

Таким образом, смысл социальной политики, заключающий в себе те предельные значения, которые она призвана реализовать, будет выражаться в контексте особенностей российской цивилизационной модели.

Сальников Евгений Вячеславович, доктор философских наук, доцент, начальник кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова

Black Lives Matter, критическая расовая теория и трансформация национальной политики современного государства

Вопросы расовой и национальной политики являются значимыми элементами социальной политики государства на современном этапе. При этом значительная неопределенность концептов этноса, а в еще большей мере расы порождает множество сложных вопросов в теоретическом осмыслении и практической реализации социальной политики в данном аспекте. Историческая и этническая специфика российского государства принижает в массовом сознании граждан значимость вопросов расового характера, что ведет к упрощению проблемы противодействия расизму и упрощенному пониманию ряда политических процессов, происходящих в наши дни. Здесь речь идет прежде всего о протестных акциях различного масштаба и интенсивности вплоть до открытого неповиновения, столкновения с силами правопорядка и создания автономных зон, осуществляемых в 2020 году на территории США, а также ряда других стран сторонниками движения против расизма, объединенных лозунгом Black Lives Matter — BLM. Не редкостью становятся интерпретации данных актов как проявлений вандалистского насилия, стихийного либертарного или откровенно корыстного насилия, за которым не стоит какой-либо значительной теоретической основы. Подобная позиция не соответствует действительности. Расовый протест и в целом движение BLM не стихийное порождение или психосоциальная аномалия, за ним стоит определенная теоретико-идеологическая основа.

Протестные акции 2020 года показали значительную остроту межрасового конфликта, происхождение и сущность которого не могут быть объяснены классическим положением, согласно которому противодействие расизму имеет своей целью борьбу с явным нарушением прав человека и гражданина по признаку расы в части предоставления неких благ, ограничения социального положения, оскорбления человеческого достоинства и т. п. Признавая правоту данного подхода, следует отметить, что в особенности в России, а также и в большинстве развитых стран подобные явные формы расизма встречаются крайне редко, а борьба с их проявлениями не вызывает неприятия, широко поддерживается обществом и достаточно успешно реализуется властями.

Движущие истоки современных практик расизма и борьбы с ним раскрываются в рамках не классической, а критической расовой теории (Critical Race Theory — CRT). Она формируется в среде социально активной части научного сообщества США 1960-х годов. К числу основополагающих принципов CRT следует отнести идеи Ч. Харриса¹, рассматривавшего принадлежность к белой расе в ракурсе вопроса о собственности. Согласно его позиции, принадлежность к белой расе, изначально сформировавшаяся в американском обществе как расовая характеристика, постепенно развилась в форму собственности и ценного блага, что в последствии получило правовую защиту. М. Дайсон² развивает эту идею, формируя основу для более глубокого понимания принадлежности к белой расе как собственности путем актуализации положения, согласно которому принадлежность к белой расе является не только фактором идентификации, но одновременно идеологией и устойчивой формой социального поведения. Так же как и Харрис, Дайсон понимал, что правовые и социальные конструкции, основанные на принадлежности к белой расе и идеологии расовой иерархии, глубоко связаны с угнетением и притеснением чернокожего населения белыми. Фигин³ утверждал, что расовые притеснения на протяжении всей истории США явились основополага-

1 Harris C.I. Whiteness as property // Harvard Law Review. 1993. Pp. 1707—1791.

2 Chennault R.E. Giving Whiteness a Black eye: An interview with Michael Eric Dyson. In J.L. Kincheloe, S.R. Steinberg, N. M. Rodriguez, & R. E. Chennault (Eds.). White reign: Deploying Whiteness in America. St. Martin's Press. 1998. Pp. 299—328.

3 Feagin J.R. Systemic racism: A theory of oppression. Routledge, 2006.

ющими для развития американского общества и ненадлежащего обращения со всеми группами людей, которые были расово зафиксированы в качестве не-Белых.

Опираясь на положение о принадлежности к белой расе как факторе идентичности, Дайсон высказал идею о том, что принадлежность к белой расе как идеология означает систематическую репродукцию концепции белой расы как властвующего, доминирующего субъекта. Первоочередным образом Дайсон указывал на то, что американское общество основано на мифе, что белая раса доминирует и создает порядок, каковое положение стало основой для интеллектуального и культурного обоснования порядка и принципов общества. Обладая властью, представители белой расы внедрили культурные обычаи, политические практики, религиозные верования, стратегии интеллектуальной деятельности и так далее вплоть до социального организма в качестве фундамента американской демократии. Эти ценности, отношения, верования, обычаи и практики оказались скрытыми и не отмечались настолько долго, что представители белой расы получили оптимальные условия для утверждения собственного общественного статуса. Сложившиеся социальные условия определялись как нормальные, выступая неким золотым стандартом, тогда как принадлежность к другой расе и идеологии считались отклонением и неестественным поведением.

Исследования Дайсона в области институционального влияния представителей белой расы привели к идее распространенности институционального давления со стороны белой расы скрытого в большом количестве социальных институтов и организаций. Фигин предложил концепцию рамок белой расы, которую он описал как «сформированный набор расово окрашенных идей, стереотипов, эмоций и склонностей к дискриминации»¹. Внутри институциональных рамок белой расы выделяются два возможных инварианта: против-Других и за-Белых. В первом типе расовые рамки задают образ Другого как второсортного, бесчеловечного и нуждающегося в приобщении к цивилизации. Тогда как в варианте за-Белых создается образ, в котором центральный акцент делается на «позитивном образе белого большинства, целомудрии, моральных качествах»². Рамки такого рода тяжело вычленишь в силу глубокой интегрированности в социальную среду, но именно они задают основу для представления белой расы как идентификационной модели, идеологии и формы социального поведения.

Именно идеи CRT и легли в основу феномена Black Lives Matter — BLM, которое предстает социальным движением, состоящим из множества социальных объединений и групп. Несмотря на то, что оно возникло как реакция на конкретные факты — причинения смерти при задержании Т. Мартина (2012), М. Брауна (2014), Д. Флойда (2020) и ряда других представителей негроидной расы в различных штатах США, BLM имеет своей целью прекращение расовых притеснений по отношению к чернокожему населению США. Движение не ограничивает себя только защитой прав чернокожего населения, выступая в поддержку борьбы с любыми формами расизма, включая и поддержку прав ЛГБТ-сообщества. BLM активно использует различные формы общественного протеста, включающие в себя марши, сидячие забастовки, коленопреклонение во время исполнения национального гимна. Сообщество активно проявило себя в протестных акциях во время инаугурации президента Трампа. Получивший широкую распространенность слоган сторонников движения: «Я не могу дышать» выражает приверженность членству в BLM одновременно с требованием справедливого правосудия. До событий 2020 года центр социальной активности движения находился в спортивной среде американской Национальной футбольной лиги, однако после смерти Д. Флойда публичные протестные акции в их крайних формах приняли широкий размах, распространившись далеко за пределы собственно США.

Реконструкция положений CRT и ее воплощения в практической протестной, в том числе и противоправной деятельности BLM имеет большое значение как фактор, с которым следует образовываться при построении политики не только расовой, но и национальной. Нет сомнения в том, что идеи трансформации господствующей расовой группы могут быть преобразованы в доминанту этнического или национального характера, аналогичным образом имплементирующую свою этничность как собственность и идеологию в многообразии социальных институтов, гарантируя за собой привилегированное положение. Идеи критической расовой теории легко могут быть адаптированы применительно к вопросам этничности или национальности, а при отсутствии должного внимания к концептуальным вопросам, поднимаемым данной теорией стать фактором дестабилизации не только расового, но и межнационального и межэтнического согласия.

1 Feagin J.R. Systemic racism: A theory of oppression. Routledge, 2006. P. 25.

2 Feagin J.R. The White racial frame: Centuries of racial framing and counter-framing (2nd ed.). Routledge, 2013. P. 10.